

Антирубрика

Ф. СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД РАССКАЗЫ О ГОЛЛИВУДЕ

Перевод с английского ВИКТОРА ГОЛЫШЕВА

«Вскипятите воды — и побольше»

Пат Хобби сидел у себя в кабинете в сценарном корпусе и смотрел на свою утреннюю работу, только что вернувшуюся от машинистки. Сидел он на «починке» — ни на что другое его теперь почти не брали. Надо было срочно поправить провальный эпизод, но слово «срочно» давно уже не пугало и не вдохновляло Пата, потому что он работал в Голливуде с тридцати лет — а теперь ему было сорок девять. Все, что он создал за утро (не считая легкой перетасовки реплик, дабы можно было назвать их своими), все, что он действительно придумал, состояло из одного повелительного предложения, которое производит врач.

«Вскипятите воды — и побольше».

Реплика была хорошая. Она родилась у него сразу и целиком, как только он прочел сценарий. В прежние, немые, времена Пат вынес бы ее в титр и развязался с диалогом на этом куске, но нынче требовались слова и другим лицам. В голову ничего не приходило.

— Вскипятите воды, — повторил он вслух, — и побольше.

Слово «вскипятите» вызвало проворную радостную мысль о кафетерии. И благоговейную притом, ибо для жизни ветерана, как Пат, с кем сидишь за столом — важнее того, что диктуешь в ка-

бинете. «У нас не искусство, — говаривал он, — у нас промышленность».

— У нас не искусство, — заметил он Макс Лиму, лениво пившему в коридоре холодную воду. — У нас промышленность.

Макс и кинул ему эту кость — три недели по три с половиной сотни, и очень вовремя.

— Слушай-ка, Пат! У тебя уже есть что-нибудь на бумаге?

— Слушай, у меня есть такое, от чего они... — Пат назвал известное физиологическое отравление с необъяснимой уверенностью, что его будут производить в кинотеатре.

Макс попробовал понять, насколько он искренен.

— Хочешь прочесть мне сейчас? — спросил он.

— Еще нет. Но штучка сильная, как прежде, — понимаешь меня?

Макса обуревали сомнения.

— Ладно, займись. А если увязнешь в медицине, расспроси врача в пункте первой помощи. Все должно быть точно. Дух Пастера живо вспыхнул в глазах Пата.

— Будет.

Ему было приятно идти по студии с Максом — настолько приятно, что он решил прилепиться к продюсеру и сесть с

ним за Большой стол. Но Макс разрушил его замысел: с ласковым «До скорого» он улизнул в парикмахерскую.

Некогда за Большим столом Пат был завсегдатаем; в пору расцвета часто ужинал в отдельных буфетах директоров. Старый голливудец, он понимал их шутки, их тщеславие, их социальный расклад, подверженный быстрым колебаниям. Но нынче слишком много новых лиц было за Большим столом, и лица взирали на Пата с обычной голливудской подозрительностью. За маленькими же столиками, где сидели молодые сценаристы, там, похоже, слишком всерьез принимали работу. А чем сидеть где попало — с секретаршами не дай бог или со статистами, лучше перехватить сандвич на углу.

Дав крюк, Пат пришел в пункт Красного Креста и спросил врача. Девушка, медсестра, ответила из настенного зеркала, перед которым торопливо мазала губы:

— Вышел. Что случилось?

— А-а. Я потом найду.

Она кончила краснеть и повернулась — свежая и молодая, с бодрой утешающей улыбкой.

— Вас посмотрит мисс Стейси. Я ухажу на обед.

Старое, старое предчувствие шевельнулось в душе Пата — пережиток тех времен, когда у него были жены, — предчувствие, что если пригласить эту красотку пообедать, то может выйти неприятность. Но он тут же вспомнил, что жен у него больше нет: обе бросили требовать алименты.

— Я работаю над медицинским текстом, — сказал он. — Нужен совет.

— Медицинским?

— Пишу его — из жизни врача. Слушайте, пообедайте со мной. Хочу порасспросить вас о медицине.

Девушка колебалась.

— Не знаю. Я тут первый день.

— Ничего, — успокоил он, — на студиях демократия: тут каждый просто Пат или Мери — от большой шишки до бутафора.

Он великолепно доказал это по дороге, поздоровавшись с актером-звездой и услышав в ответ свое имя. А в кафетерии, где за Большим столом ряды были сомкнуты, его продюсер Макс Лим поднял голову и, показывая, что признал Пата, подмигнул ему.

Сестра — звали ее Эллен Эрл — возбужденно озиралась.

— Я никого не вижу, — сказала она, — кроме... а, вон Роналд Колман. Я не думала, что он такой в жизни.

Пат вдруг показал на пол.

— А вот Мики Маус!

Она подскочила, и Пат засмеялся своей шутке, но Эллен Эрл уже зачарованно смотрела на костюмную массу, заливившую зал красками первой импе-

рии. Пат был уязвлен тем, что ее внимание привлекли пешки.

— Главные люди — за соседним столом, — сказал он угрюмо, печально, — режиссеры и прочие, кроме старшего начальства. Роналд Колман им штаны бы гладил. Я обычно сижу там, но дам туда не допускают. То есть за обедом дам не допускают.

— А-а, — сказала Эллен Эрл вежливо, но без особого интереса. — Быть писателем — тоже, наверное, чудесно. Это так увлекательно.

— В каком-то смысле, — ответил он... Он не первый год думал, что это — собачья жизнь.

— А что вы хотели спросить у меня про врача?

Снова за труд. В мозгу у Пата что-то отскакило, когда он вспомнил о сценарии.

— Так вот, у Макса Лима — вон он сидит напротив, — у нас с Максом Лимом сценарий про врача. Знаете? Картины про больницы?

— Я знаю. — И чуть погодя она добавила: — Я поэтому и пошла на курсы.

— И надо, чтобы все было точно, потому что миллионов сто зрителей могут проверять детали. Так вот, этот врач в сценарии — он велит вскипятить воды. Он говорит: «Вскипятите воды — и побольше». Нам хотелось бы знать, как после этого поведут себя люди.

— Ну как — наверно, вскипятят, — сказала Эллен и ватем, в легком недоумении от вопроса, спросила: — А какие люди?

— Ну, дочь одного человека и тот, кто там живет, еще адвокат и пострадавший...

Эллен переваривала это, прежде чем ответить.

— ...и еще один, которого я выкину, — закончил он.

Наступило молчание. Официантка подала сандвичи с тунцом.

— Ну, приказ доктора есть приказ, — решила Эллен.

— Хм, — внимание Пата отвлекла странная сценка за Большим столом, и он рассеянно осведомился: — Вы замужем?

— Нет.

— И я не женат.

У Большого стола стоял статист. Русский казак со страшными усами. Он стоял, положив руку на спинку свободного стула между Режиссером Патереном и Продюсером Лимом.

— Здесь не занято? — спросил казак с сильным средневропейским акцентом.

Все лица за Большим столом вдруг повернулись к нему. До того, как его разглядели, естественно было предположить, что он какой-нибудь знаменитый

актер. Но оказалось — нет; на нем был красочный мундир из тех, что рассеялись по всему залу.

Кто-то за столом сказал: «Здесь занято», — но казак отодвинул стул и сел.

— Поесть где-то надо? — заметил он с ухмылкой.

По ближним столикам пробежала дрожь. У Пата Хобби отвисла челюсть. Это было все равно что врисовать в Тайную Вечерю Кота в сапогах.

— Сейчас смотрите, — посоветовал он девушке. — Что они из него сделают! Скажа!

Изумленное молчание за Большим столом нарушил Нед Харман, заведующий производством.

— Этот стол заказан, — сказал он.

Статист оторвался от меню.

— Мне сказали сесть где угодно.

Он поманил официантку — та замешкалась, ища ответа в лицах старших.

— Статисты здесь не едят, — сказал Макс Лим, пока вежливо. — Это стол...

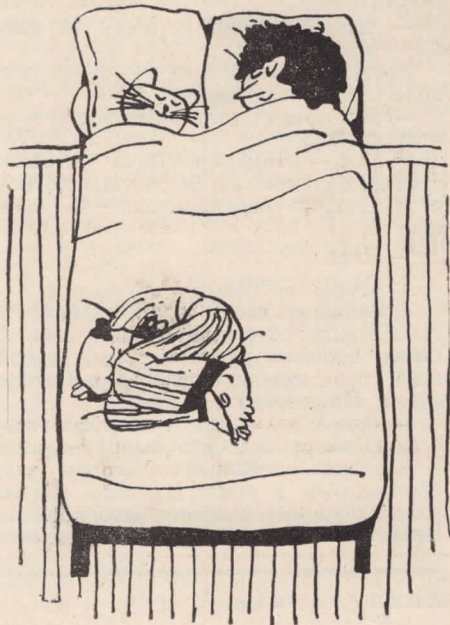
— Мне надо поесть, — упрямо сказал казак. — Я шесть часов отстоял на ногах, пока снимали эту требуху, теперь мне надо поесть.

Молчание распространялось — с точки Пата все словно застыло между небом и землей.

Статист устало покачал головой.

— Не знаю, кто ее стряпал, — сказал он, и Макс Лим подался к нему со стула, — но такой хреновины в Голливуде при мне еще не снимали.

МИШЕЛЬ ДУЭИ.
Франция.
Без слов.

...За столиком думал Пат Хобби: что же они сидят? Дать ему в зубы, выкинуть его. Если сами трусят — вызвали бы студийную полицию.

— Кто это? — Эллен Эрл недоуменно следила за его взглядом. — Я его должна знать?

Он внимательно прислушивался к Макс Лиму, тот сердито повысил голос:

— Встаньте и отойдите, любезный, да поживее!

Казак нахмурился.

— А вы кто такой, чтобы мне указывать?

— Увидите. — Макс обратился к столу в целом: — Где Кашман, где заведующий кадрами?

— Попробуй стони, — сказал статист, поднимая эфес своей сабли. — я тебе вон чью на ухо навешу. Я свои права знаю.

Десяток человек за столом, чьи заработки доходили до тысячи долларов в час, сидели ошеломленные. Студийный полицейский у дальней двери почувал неладное и стал проталкиваться сквозь толпу. Тут поднялся Большой Джек Уилсон, тоже режиссер, и двинулся вокруг стола.

Но они опоздали — Пат Хобби больше не мог терпеть. Он вскочил и схватил большой тяжелый поднос с посудной стойки. Два скачка — и он был на месте происшествия и опустил поднос на голову статиста со всею силой своих сорока девяти лет. Статист как раз поднимался, чтобы встретить неминуемое нападение Уилсона, и удар пришелся ему прямо в лицо и висок; он упал, из-под толстого жирного грима брызнул десяток красных струек. Он рухнул боком между стульями.

Пат стоял над ним тяжело дыша — с подносом в руке.

— Гнусный мерзавец! — воскликнул он. — Куда вздумал...

Мимо него протиснулся полицейский; затем Уилсон протиснулся мимо него... двое перепуганных мужчин из-за соседнего столика...

— Это был розыгрыш! — крикнул один из них. — Это Уолтер Херрик, сценарист. Это его картина.

— Боже!

— Он хотел разыграть Майса Лима. Говорят вам, это была шутка!

— Унесите его... Врача!.. Эй, сюда! Теперь к ним устремилась Эллен Эрл; Уолтера Херрика оттащили на свободное место на полу, и слышались крики: «Кто это сделал?.. Кто его огрел?»

Пат выпустил поднос над стулом; звук утонул в общем смятении.

Он увидел, что Эллен Эрл быстро промочает голову пострадавшего чистыми салфетками.

— За что его так? — крикнул кто-то.

Пат хотел встретиться взглядом с Макс Лимом, но тот отвернулся, и глубокая обида охватила Пата. Он один

в этой ситуации — неважно, действительно или воображаемом, — он один действовал. Он один показал себя мужчиной, когда эти индюки позволяли себя оскорблять и позорить. И ему же теперь — за решетку, потому что Уолтер Херрик знаменит и влиятелен, Уолтер Херрик — это три тысячи в неделю, и его обозрения гремят на Бродвее. Кто же мог знать, что это розыгрыш?

Явился и врач. Пат увидел, как он что-то сказал заведующей, и ее пронзительный голос смел официанток в кухню, как сухие листья:

— Вскипятите воды! И побольше! Дикие, неправдоподобные слова падали на омраченную душу Пата. И хотя теперь он из первых рук знал, что за ними следует, он сомневался, что сможет использовать свои знания.

По следу Пата Хобби

I

День был хмурый с самого начала, и калифорнийский туман заползал во все щели. Он тянулся за Патом, который убежал стремглав, без головного убора, через весь город. Целью его, его прибежищем была студия — Пат не работал там, но двадцать лет она была ему домом.

Почудилось ему или полицейский при входе особенно долго вглядывался в него и в его пропуск? Может быть, из-за отсутствия шляпы; в Голливуде было полно людей без шляп, но Пат чувствовал себя меченым — особенно потому, что так и не успел расчесать на пробор редкие седые волосы.

В сценарном корпусе он зашел в уборную. Потом вспомнил: по чьему-то вдохновенному указу сверху все зеркала в сценарном корпусе сняты еще год назад.

Через коридор он увидел приоткрытую дверь в кабинет Би Маклвейн и различил ее округлую фигуру.

— Би, можешь одолжить мне свою пудреницу? — спросил он.

Би подозрительно посмотрела на него, потом нахмурилась и полезла в сумку.

— Ты в штате? — поинтересовалась она.

— Со следующей недели, — соврал он. Он раскрыл пудреницу на ее столе и наклонился с расческой. — Почему они не повесят зеркала в уборных? Думают, сценаристы будут любоваться на себя круглый день?

— А помнишь, как вынесли все диваны? — сказала Би. — В тридцать втором. А обратно поставили в тридцать четвертом.

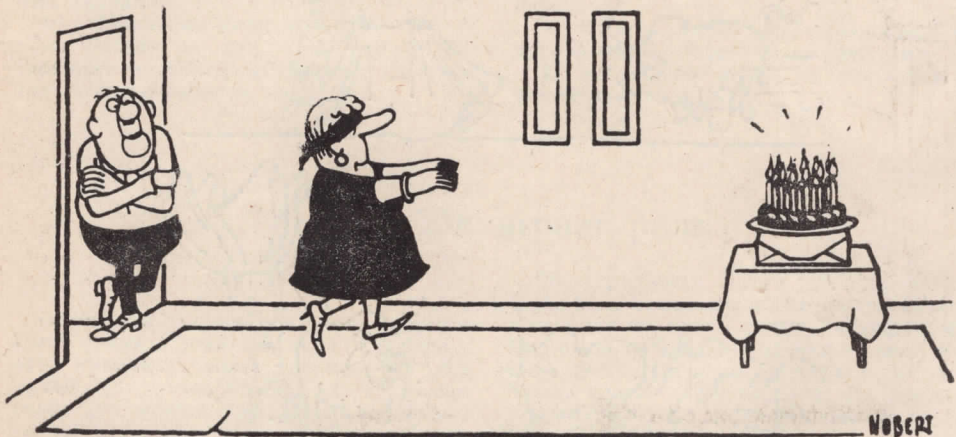
— Я работал дома, — прочувственно ответил он.

Покончив с пробором, он задумался, нельзя ли у нее разжиться — на шляпу и на обед. Би, наверно, разгадала его взгляд — она предупредила просьбу.

— Все деньги забрали финны, — сказала она, — и работа моя под вопросом.

МАНФРЕД НОБЕРТ.
ФРГ.

...Тепло... теплее...

Либо наш сценарий запускают завтра, либо положат на полку. У нас и названия-то нет.

Она дала ему отпечатанный на mimeо-графе бюллетень из сценарного отдела, и Пат взглянул на первые строчки.

**ВСЕМ ОТДЕЛАМ!
ИЩЕМ НАЗВАНИЕ — ПРЕМИЯ
ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛ.
СОДЕРЖАНИЕ ВКРАТЦЕ:**

— Полсотни были бы кстати, — сказал Пат. — О чем там речь?

— Написано. Про всякую петрушку, которая творится в кемпинге.

Пат вздрогнул и ошалело посмотрел на нее. Он-то думал, что тут, за охраняемыми воротами, он будет в безопасности, но слухи, оказывается, шли быстро. Это было дружеское — а может, и не такое дружеское — предостережение. Бежать. Теперь он — дичь, и негде приклонить ему голову без шляпы.

— Ничего не знаю, — пробормотал он и поспешно вышел из комнаты.

II

Переступив порог кафетерия, Пат огляделся. Стражи не было, если не считать девушки в табачном киоске, но овладение чужой шляпой было связано с одной сложностью: на глаз определить размер трудно, между тем как вид человека, примеряющего шляпы в гардеробе, неизбежно вызовет подозрение.

Задачу усложнял еще и вкус. Пата влекла зеленая мягкая с игривым пером, но она чересчур бросалась в глаза. То же — и чудесный белый «стетсон», для

жизни на приволье. Наконец, он остановился на солидном сером «хомберге», который обещал послужить верой и правдой. Дрожащими руками он надел шляпу. В самый раз. Он вышел — как в мучительной, нескончаемой замедленной съемке.

Следующий час в какой-то степени вернул ему спокойствие: никто из знакомых не заговаривал о кемпинге. Пат три месяца сидел на мели. Он рассматривал свою должность ночного дежурного в кемпинге Селекто как чисто временную и от знакомых скрывал. Но сегодня утром в кемпинг явился полицейский наряд; облава была весьма обстоятельной, и Пат — или Дон Смит, как он называл себя, — не сомневался, что будет вызван в качестве свидетеля. Сюжет его бегства был уже из области мелодрамы: и то, как он ускользнул боковым ходом и как купил четвертинку жизненно необходимого в угловом магазине, как на путных пробирался через весь город, делаясь хромым в поле зрения каждого регулировщика, и вздохнул с облегчением, лишь завидя гордую вывеску студии.

Пат заглянул к Луи, студийному букмекеру, чьим щедрым клиентом он был когда-то, после этого отправился к Джеку Бернерсу. Никаких идей и предложений у него не было, но Джека он застиг в минуту спешки — убегающим на собрание продюсеров — и неожиданно услышал приглашение присесть и подождать, пока тот вернется.

Кабинет был богатый и удобный. Никаких писем, заслуживающих прочтения,

СУДХИР ДАР.
Индия.
Без слов.

на столе не было, зато в шкафу был графин и стаканы, и в скором времени Пат лег на большой мягкий диван и уснул.

Разбудил его Бернерс, вернувшийся в крайнем возмущении.

— Что за бред собачий! Нас срочно вызывают — начальников всех отделов. Один опаздывает, ждем его. Является и получает головомойку, что отнял времени на несколько тысяч долларов. И что же ты думаешь: мистер Маркус потерял любимую шляпу!

Пат не усмотрел в этом факте связи с собой.

— Всем начальникам отделов прекратить производство! — продолжал Бернерс. — Двум тысячам человек искать серую шляпу! — Он в отчаянии опустился в кресло. — Не могу сегодня поговорить с тобой, Пат. К четырем мне надо найти название для картины про кемпинг. Нет идеи?

— Нет, — сказал Пат. — Нет.

— Знаешь, пойди-ка к Би Маклвейн и помоги ей что-нибудь придумать. За идею — пятьдесят долларов.

В дурмане Пат направился к выходу.

— Эй, — сказал Бернерс, — не забудь свою шляпу.

III

Пат сидел в кабинете у Би Маклвейн; день, проведенный вне закона, и стакан коньяку из шкафа Бернерса давали себя знать.

— Нам нужно придумать название, — мрачно сказала Би.

Она дала Пату бюллетень с обещанием пятидесяти долларов и сунула карандаш. Пат смотрел на листок невидящим взглядом.

— Ну как? — спросила она. — У кого есть название?

Наступила долгая тишина.

— «Летчик-испытатель» уже было, да? — сказал он смутно.

— Проснись! Тут не про авиацию.

— Ну, я просто подумал, что хорошее название.

— «Рождение нации» — тоже.

— Только не для этой картины, — пробормотал Пат. — «Рождение нации» для этой картины не годится.

— Ты что, смеешься надо мной? — сказала Би. — Или ты спятил? Дело серьезное.

— Конечно... я тебя понимаю. — Слабой рукой он корябал что-то внизу листка. — Я немножко принял, больше ничего. Одну минутку — и голова прочистится. Я стараюсь вспомнить названия... которые... имели успех. Вся беда в том, что они уже были, ну хотя бы: «Это случилось однажды ночью».

Би смотрела на него в замешательстве. Он очень старался, чтобы не закрывались глаза, и ей не хотелось, чтобы он залез у нее в кабинете. Через минуту она позвонила Джеку Бернерсу.

— Ты не мог бы зайти? Есть кое-какие идеи.

Джек пришел с пачкой предложений из разных мест на студии, но, роясь в них, самородков не обнаружил.

— Ну как, Пат? Что-нибудь есть?

Пат собрался с силами.

— Мне нравится «Это случилось однажды утром», — сказал он, потом в отчаянии усталился в свои каракули на бюллетене, — или еще: «Гранд Мотель». Бернерс улыбнулся.

— «Гранд Мотель», — повторил он. — Ей-богу! По-моему, тут что-то есть. «Гранд Мотель».

— Я сказал «Гранд Отель», — сказал Пат.

— Нет, ты не так сказал. Ты сказал: «Гранд Мотель» — и, по-моему, полсотни — твои.

— Мне надо лечь, — объявил Пат. — Меня тошнит.

— Напротив пустой кабинет. Это забавная мысль, Пат, — «Гранд Мотель» или «Дежурный по мотелю». Как тебе? Беглец поспешно направил стопы к двери, и Би сунула ему в руки шляпу.

— Старый конь борозды не испортит, — сказала она.

Пат схватил шляпу мистера Маркуса и остановился, держа ее, как миску с супом.

— Теперь... мне... легче, — сказал он чуть погодя. — Вернусь за деньгами.

И, неся свою ношу, он поплелся к уборной.

Пат Хобби играет роль

I

Чтобы занять деньги изящно, надо выбрать время и место. Задача будет трудной, например, когда работодатель под мухой, или болен корью, или он — светило. Тут можно продолжать до бесконечности, но все неблагоприятные auspicii, в общем, сводятся к одному: деньги занять крайне трудно, когда они нужны.

Эту трудность Пату довелось испытать, будучи киноартистом на съемочной площадке во время съемок кинофильма. Это была тягчайшая поденка из всех, что ему доставались, но он взялся за нее, чтобы спасти свою машину. На корыстно-коммерческий взгляд колымага не за-

АНТИРУБРИКА

служивала спасения, но из-за протяженности Голливуда она была необходимым орудием писательского ремесла.

— Кредитная компания... — стал объяснять Пат, но Жук Маккарти перебил его:

— Я занят в следующей сцене. Хочешь, чтоб я ее завалил?

— Мне нужно всего двадцать, — не отставал Пат. — Я же не получу работы, если буду сидеть у себя в спальне.

— По крайней мере, деньги сбережешь — тебе и так ее не дают.

В этих словах была жестокая правда. Но давали ему работу или нет — Пат любил проводить дни на студии и около. Он достиг скорбного и ненадежного возраста сорока девяти лет, не имея другого занятия.

— Мне обещали на будущей неделе дать переделывать сценарий.

— Да ну тебя, — сказал Жук. — Уйди с площадки, пока Хильярд не увидел.

Пат нервно оглянулся на группу возле камеры, потом выкинул свой козырь.

— Один раз... — сказал он, — один раз я заплатил за тебя врачам, когда у тебя родился ребенок.

— Да уж, заплатил! — гневно ответил Жук. — Шестнадцать лет назад. А где он теперь? Сидит за то, что без прав переехал старушку!

— Но я заплатил за него, — сказал Пат. — Две сотни.

— Это гроши против того, сколько он мне стоил. Стал бы я в моем возрасте изображать каскадера, если бы мог раздавать деньги взаймы? Стал бы я вообще работать?

Где-то в темноте раздался приказ помощника режиссера:

— Приготовиться!

Пат заговорил быстрее:

— Ладно. Пятерку.

— Нет.

— Ну ладно, — красноватые глаза Пата сузились. — Тогда учти, я стану там и наведу на тебя чары, когда ты будешь говорить свой текст.

— Я тебя умоляю! — сказал с тревогой Жук. — Слушай, дам я тебе пятерку. Она у меня в пиджаке. Подожди, возьму.

Он кинулся из выгородки, и Пат облегченно перевел дух. Может быть, Луи, букмекер, даст ему еще десятку.

Снова голос помрежа:

— Тихо!.. Начали!.. Свет!

Мощный свет ударил Пату в глаза, ослепил его. Он шагнул не туда — потом обратно.

В сцене — логово бандитов — участвовали еще шестеро, и каждый, казалось, стоял у него на пути.

— Так... Мотор!.. Поехали!

В панике Пат отступил за задник, который надежно скрыл бы его. Пока актеры разыгрывали сцену, он стоял там, слегка дрожа, согрив спину, и не подозревал, что это — «наезд», что камера

приблизилась на тележке, чуть не уперлась в него.

— Эй, у окна — ты, Жук! Руки вверх!

Как во сне Пат поднял руки и только тут осознал, что смотрит прямо в громадный черный объектив, а тот через мгновение захватил и героиню — английскую актрису, которая пробежала мимо него и выпрыгнула в окно. Через секунду, показавшуюся бесконечной, Пат услышал приказ «Стоп!».

Тогда он опрометью кинулся в буфаторскую дверь, за угол, споткнулся о кабель, устоял на ногах и полетел к выходу. Он услышал за спиной шаги, прибавил ходу, но уже в самых дверях его настигли, и он оборонительно оборотился.

Оказалось, это — актриса-англичанка.

— Скорее! — крикнула она. — Я отсыпалась. Улетаю домой, в Англию.

Уже вскочив в поджидавший лимузин, она бросила последнюю бессмысленную фразу:

— Мне через час к самолету на Нью-Йорк.

«А мне какое дело?» — ожесточенно подумал Пат, семеня прочь.

Пату было невдомек, что возвращение актрисы на родину внесет перелом в его жизнь.

II

А пятерку он не получил и боялся, что она уплыла окончательно. Надо было изыскать другие средства, чтобы спасти свою двухдверную машину от протаннувшихся к ней цуналец. Пат покидал студию с отчаянием на душе, сделал лишь короткую остановку, чтобы залить в бак бензин, а в себя джин — может быть, последнее их совместное возлияние.

На другое утро, когда он проснулся, его затруднения только возросли. Редкий случай — ему не хотелось на студию. Страшил его не один Жук Маккарти — вся корпоративная мощь кинофирмы, больше того — кинопромышленности. Ведь помешать съемкам картины — тяжкое нарушение, рядом с которым дорогостоящие промахи постановщиков или сценаристов остаются, можно сказать, безнаказанными.

С другой стороны, последний день выплаты за машину — послезавтра, и теперь единственная надежда, причем слабая, на Луи, студийного букмекера.

Пат подкрепил свое мужество невкусным завтраком со дна бутылки и в десять часов пошел на студию, подняв воротник пальто и нахлобучив на самые уши шляпу. Ему был известен своего рода нелегальный ход через примерную и кухню, позволявший незаметно достигнуть комнат Луи.

Когда он свернул за угол парикмахерской, его схватили двое полицейских.

— Э, у меня пропуск, — запротестовал он. — Действителен на неделю, подписан Джеком Бернерсом.

— Мистер Бернерс как раз и хочет вас видеть.

Да, вот оно — его лишат доступа на студию.

— Мы можем предъявить тебе иск! — кричал Джек Бернерс. — Но картину это не спасет.

— Подумаешь, один дубль, — сказал Пат. — Возьмите другой.

— Да нет другого — камеру заело. А сегодня утром Лили Китс улетела в Англию. Она думала, работа кончена.

— Подрежьте сцену, — предложил Пат, и тут его осенило: — Ей-богу, я тебе сделаю.

— Ты уже сделал! — уверил его Бернерс. — Если бы можно было как-нибудь переделать, я бы за тобой не послал.

Он умолк и задумчиво посмотрел на Пата. Звякнул звонок на столе, и голос секретарши произнес: «Мистер Хильярд».

Джордж Хильярд был огромный мужчина, и смотрел он на Пата без благосклонности. Но кроме гнева в его глазах было что-то еще, и Пат смущенно заерзал под взглядами обоих мужчин, рассматривавших его с почти научным любопытством — словно он был кандидатом в жаркое у людоедов.

— Ну, пока! — промолвил он неуверенно.

— Как по-твоему, Джордж? — спросил Бернерс.

— Ну... — нерешительно отозвался Хильярд, — можно вымарать ему пару зубов.

Пат поспешно встал, шагнул к двери, но Хильярд поймал его и повернул кругом.

— Ну-ка, послушаем вас, — сказал он.

— Не имеете права бить, — зашумел Пат. — Выбьете зубы — подам в суд.

Наступило молчание.

— Как по-твоему? — спросил Бернерс.

— Говорить не может, — сказал Хильярд.

— Ни черта, еще как могу! — предупредил Пат.

— Две-три реплики можно сдублировать, — продолжал Хильярд, — и никто не заметит. Из тех, кто у нас играет мерзавцев, половина не может говорить. Главное, у этого подходящее сложенне, а из лица что нужно камера вытащит.

Бернерс кивнул.

— Так, Пат... ты актер. Будешь играть роль, которая была у этого Маккарти. Всего два-три эпизода, но важные. Подпишешь бумаги для Гильдии и агентства по найму и после обеда приступай.

— Что это такое! — сказал Пат. — Я не фигляр... — Вспомнив, что Хильярд когда-то снимался в главных ролях, он видоизменил позицию: — Я писатель.

— Персонажа, которого ты играешь, зовут Крыса, — сообщил Бернерс. Он объяснил, почему Пату необходимо продолжить вчерашнее импровизированное выступление. Сцены с участием Лили Китс снимались в первую очередь, чтобы

не сорвать ей ее английский ангажемент. Но для прояснения фабулы необходимо было показать, как бандиты добрались до своего логова и чем занимались после того, как мисс Китс выскочила в окно. Непоправимо повившись в кадре с Лили Китс, Пат должен сыграть еще в пяти эпизодах, которые снимаются в ближайшие дни.

— Почему это удовольствие? — поинтересовался Пат.

— Маккарти мы платили пятьдесят за день — минутку, Пат, — но я подумал, что тебе заплатим по твоей последней литературной ставке, двести пятьдесят в неделю.

— А моя репутация? — возразил Пат.

— На это я вообще не отвечаю, — сказал Бернерс. — Но если Бенчли может играть, и может Дон Стюарт, и Льюис, и Уайлдер, и Вулкот, по-моему, тебя это не унизит.

Пат глубоко вздохнул.

— Можешь выдать мне пятьдесят в счет причитающихся? — спросил он. — В сущности, я их вчера заработал...

— Если бы тебе выдали, что ты вчера заработал, ты был бы в больнице. И не думай, что ты налакаешься. Вот тебе десять и больше до конца недели не увидишь.

— А моя машина?..

— К свиньям твою машину.

III

Крыса был самым заядлым в шайке, которая занималась диверсионной деятельностью в интересах неназванного Н-дистского правительства. Его речи были сама простота; Пат сочинял такие неоднократно. «Не кончайте его, дождемся Брейна». «Смыываемся!» «Ты выйдешь отсюда вперед ногами». Пат нашел работу приятной — больше ждешь и околачиваешься, как всюду в кино, — и надеялся, что она откроет путь к дальнейшим занятиям по этой части. Он жалел, что она такая короткая.

Его последняя съемка была на натуре. Он знал, что Крыса должен устроить взрыв, в котором он сам погибнет; но Пат видел такие съемки и был уверен, что для него ни малейшей опасности нет. На съемочной площадке, когда ему стали обмерять грудь и талию, он отнесся к этому с легким любопытством.

— Куклу делаете? — спросил он.

— Да не совсем, — сказал реквизитор. — Эта штука уже готова, но делали на Жука Маккарти, хочу посмотреть, годится ли на вас.

— И что же, годится?

— В самый раз.

— А что за штука?

— Да для защиты.

В голове у Пата пронесся сквознячок беспокойства.

— Защиты от чего? От взрыва?

— Да какого там! Взрыв — так, комбинированная съемка. Это для другого.

— Для чего? — настаивал Пат. — Если меня надо защищать от чего-то, я имею право знать от чего.

Перед буафорским фасадом склада расставляли кинокамеры. Вдруг из группы к Пату вышел Хильярд, положил ему руку на плечо и направил к гримерной палатке. Внутри он дал Пату флагу.

— Глотните, старик.

Пат сделал долгий глоток.

— Есть дельце, Пат, — сказал Хильярд, — нужно немного переодеться. Пока вас одевают, я объясню.

Пата разоблачили, сняв пиджак и жилет, расстегнули брюки, и в тот же миг торс его охватила железная двусторчатая раковина на петлях, длиной от подмышек до паха, наподобие гипсового корсета.

— Это превосходное прочнейшее железо, Пат, — уверил его Хильярд. — Самое лучшее по прочности на разрыв и по крепости. Оно выплавлено в Питтсбурге.

Пат вдруг воспротивился стараниям двух костюмеров натянуть на эту вещь его брюки и всунуть его в жилет и пиджак.

— Зачем железо? — спросил он, отбиваясь. — Я хочу знать. Стрелять в меня не думайте, хоть у вас там...

— Никакой стрельбы.

— Тогда что? Я вам не каскадер...

— Вы подписали тот же договор, что Маккарти, обязуясь выполнять все в пределах разумного, а наши юристы дали на это санкцию.

— На что «на это»? — Во рту у Пата пересохло.

— На автомобиль.

— Вы хотите сбить меня автомобилем?

— Дайте же объяснить, — взмолился Хильярд. — Никто вас сбивать не собирается. Машина только проедет по вам, и все. Кожух такой прочный, что...

— Ну нет! — сказал Пат. — Ну нет! — Он рванул с себя железные латы. — Да ни за...

Джордж Хильярд крепко прижал его руки к телу.

— Пат, один раз вы уже чуть не погубили картину, второй раз вы этого не сделаете. Будьте мужчиной.

— Я и хочу им быть. Вам не удастся сделать из меня лепешку, как из того статиста месяц назад.

Он вырвался. За Хильярдом он увидел знакомое лицо, лицо ненавистное и страшное — сборщика из Северо-Голливудской кредитно-финансовой компании. А на стоянке стоял его двухдверный товарник и верный слуга с 1934 года, спутник в несчастьях, его единственный безотказный дом.

— Либо вы соблюдаете договор, — сказал Хильярд, — либо уйдете из кино насовсем.

Человек из кредитной компании сде-

лал шаг вперед. Пат обернулся к Хильярду.

— Вы одолжите мне, — он запнулся, — выдадите авансом двадцать пять долларов?

— Конечно, — сказал Хильярд.

Пат с яростью обратился к кредитору:

— Слыхали? Получите вы ваши деньги, но если эта вещь сломается, моя смерть будет на вашей совести.

Следующие несколько минут протекли как во сне. Он слышал последние наставления Хильярда, пока они шли от палатки. Пат должен лежать в мелкой канаве, откуда он поджигает запал, — и тут герой медленно передет его посередке автомобилем. Пат слушал тупо. Картина, изображавшая его в виде раздавленного яйца, стояла поперек мозга.

Он взял факел и лег в канавку. Где-то вдаль послышалось «Тихо!», потом голос Хильярда и шум разогреваемого мотора.

«Начали!» — раздался голос. Звук машины приближался... нарастал. И больше Пат Хобби ничего не помнил.

IV

Когда он пробудился, было темно и тихо. Он не мог понять, где находится. Потом увидел, что в калифорнийском небе горят звезды и что он где-то один... нет... его крепко сжимают чьи-то руки. Но руки были железные, и он сообразил, что все еще закован в железо. И тут все вернулось — вплоть до минуты, когда он услышал приближавшийся автомобиль.

Насколько он мог понять, он был цел, но почему здесь и почему один?

Он попытался встать, но это оказалось невозможно, и, пережив мгновение ужаса, он позвал на помощь. Кричал он с перерывами, минут пять, но наконец вдалеке отозвался голос, и помощь явилась в образе студийного полисмена.

— Что такое? Принял лишку?

— Откуда к черту! — воскликнул Пат. — Я сегодня снимался. Что за свинство — уйти и бросить меня в канаве.

— Видно, забыли про вас в кутерьме.

— Про меня забыли! А кутерьма-то из-за кого? Не верите — пощупайте, что на мне надето.

Полицейский помог ему подняться.

— Они расстроились, — пояснил он. — Звезда не каждый день ломает ногу.

— Это как? Что-то случилось?

— Ну, я слышал, ему надо было наехать на кочку — перевернулся с машиной и сломал ногу. Пришлось остановить съемки, и они порядком приуныли.

— И бросили меня в этом... в этом дымоходе. Теперь как я его на ночь сниму? Как за руль сяду?

Но к гневу Пата примешивалась какая-то свирепая гордость. Нет, он кое-что значил в этом раскладе — он был человеком, с которым пришлось-таки считаться после долгих лет небрежения. Он вновь сумел застопорить картину.